

УДК 821.161.1

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РАССКАЗЕ
С.В. МАКСИМОВА «ПОВИТУХА-ЗНАХАРКА»**

© 2017 г.

О.И. Данилова

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чебоксары

ole4ka0289@rambler.ru

Поступила в редакцию 09.11.2016

Раскрывается роль фольклора в творческой истории рассказа С.В. Максимова «Повитуха-знахарка». Проводится подробный анализ произведения. Обилие фольклорных включений, введение в текст различных жанров народного поэтического творчества свидетельствуют о нерасторжимости начал жизни народа и его культуры. В рассказе встречаются многочисленные народные приметы, поверья, песни, предания, пословицы, поговорки. Пословицы и поговорки помогают дать всестороннюю характеристику действующим лицам. Песни дополняют психологический портрет, раскрывают внутренний мир персонажа. Достаточно точно передаются обряды, связанные с рождением ребенка. Стремясь к полноте изображения, С.В. Максимов вводит в рассказ календарный фольклор, указывает сроки исполнения обрядов. Народный календарь становится неперемным элементом повествования, с помощью которого писатель знакомит читателей с народными традициями.

Ключевые слова: фольклор, повитуха-знахарка, повивальная бабка, народная культура, обряды.

Народная культура является обязательным компонентом произведений С.В. Максимова. Ю.В. Лебедев отмечал, что «мало назвать С.В. Максимова беллетристом-этнографом. Такое определение понижает ценность его творческого наследия, обедняет вклад писателя в историю русской литературы и общественной мысли середины и второй половины XIX века. Максимов, конечно, имел незаурядный дар учено-этнографа, но собственно этнографическими вопросами он никогда не ограничивался, оставаясь еще и талантливым писателем, чутким к движению народной жизни, народного сознания» [1].

Обращение к народной культуре послужило Максимова опорой в поисках нравственных идеалов. Заинтересованность всеми сторонами народного быта нашла отражение уже в первых произведениях писателя, отсюда и фольклоризм, и этнографизм Максимова-писателя. Первые очерки и рассказы появились в 50-е годы XIX века и впоследствии вошли в книгу «Лесная глушь»: «Встреча», «Кулачок», «Колдун», «Повитуха-знахарка», «Сотский» и другие.

Лесная глушь – это собирательный образ родины: ее природа, народ, культура, быт, обычаи и обряды. Очерки и рассказы, составившие книгу «Лесная глушь», объединены общей идеей – показать русского крестьянина, который в тяжелых жизненных условиях сохраняет живую душу и щедрый поэтический талант. Книга содержит этнографические зарисовки, небольшие рассказы о людских судьбах, которые склады-

вались в целостное повествование о жизни России. Героями максимовских рассказов становятся коробейники, иконописцы, портные, маляры, плотники, деревенские знахари и колдуны, извозчики, вожаки медведей. М.Е. Салтыков-Щедрин в рецензии «Лесная глушь. Картины народного быта С. Максимова», опубликованной в «Отечественных записках» в 1871 году, рассуждая о проблемах русского литературного развития, об отношениях беллетристики к современной русской жизни, отмечает: «Г-н Максимов принадлежит к числу лучших наших этнографов-беллетристов, и изданное им ныне новое собрание очерков и рассказов служит несомненным тому доказательством. Драгоценнейшее свойство г. Максимова заключается в его близком знакомстве с народом и его духовною обстановкою. В этом смысле рассказы его должны быть настольною книгой для всех исследователей русской народности...» [2, с. 440].

Первая публикация рассказа С.В. Максимова «Повитуха-знахарка» состоялась в «Русском слове» в 1859 году.

Народ беден материально, но богат духовно. Он хранит старинные русские обряды и обычаи. В рассказе «Повитуха-знахарка» С.В. Максимов достаточно точно передает обряды, связанные с рождением ребенка.

На Руси считали, что дети – это проявление Божиего благословения, они являют собой присутствие Святого Духа в семье, дети – ее опора и счастье. В «Повитухе-знахарке» родившийся ребенок – «свежее детище, новая утеха и ра-

дось, будущий кормилец и помощник» [3, с. 284]. Отсутствие детей для крестьянской семьи было несчастьем, выражением гнева Божия. Именно поэтому всегда в народе с особым уважением относились к тем знахаркам, которые помогали ребенку появиться на свет.

Повитуха, или повивальная бабка, – помощница при родах. Без повитухи не обходилась ни одна крестьянская семья. Повивальная бабка оказывала элементарную акушерскую помощь, совершала соответствующие религиозно-магические действия. Она старалась облегчить роды, а также обеспечить здоровье матери и ребенку. Считалось, что повитуха могла повлиять на судьбу ребенка [4]. По народным поверьям, повитуха является посланницей Божьей Матери или заместительницей ее повитухи.

Писатель стремится к полноте изображения, вводит в описание календарный фольклор, указывает сроки исполнения обрядов: «На третий день отец привез новорожденного парня в село, здесь отдал его на руки кумовьям, чтобы те отнесли его в церковь, а сам опять зашел к священнику просить его дать парню имя» [3, с. 283]. Народный календарь становится неперменным элементом повествования. С его помощью автор знакомит читателя не только с трудовой жизнью повитухи-знахарки, но и с жизнью всего народа, с народными традициями. В рассказе упоминается Васильев вечер, день Трех Святителей, день Василия-капельника, день Ивана Купальника, день Андрея Первозванного и др.

Повитуха призвана уберечь мать и младенца от злых духов, особенно опасных до крестин и «сороковой» молитвы матери. Матрена по старым обычаям «советует родителям давать новорожденному имя первого встречного человека, чтобы не было ему тяготы и невзгоды в предстоящей жизни» [3, с. 303].

В обряде крестин повитухе отводится важная роль: она приглашает всех на пиршество, оповещает о рождении мальчика или девочки, готовит ритуальные блюда, наставляет крестных родителей. Максимов в рассказе подробно рассказывает об обычаях, соблюдаемых во время обряда крестин. «В избе его [Михеича] повитуха подняла пыль коромыслом: напекла-нажарила, наварила-напарила; приготовила все, что припас хозяин, уложила роженицу за переборкой, накрыла на стол и поджидала дорогую роденьку хозяев, батюшку-священника с матушкой-попадьей и дядька со старухой про-свирной» [3, с. 284]. Матрена, согласно обычаю, готовит ритуальное блюдо: приготовила порушку «из пшенной каши с перцем и хреном, страшно заправленную солью и, только для прилики, обсыпанной изюмом. Отец новорож-

денного попробовал, поморщился, да хоть бы и назад отдать, но таков уж обычай, нужно было доесть стряпню бабки» [3, с. 284]. Сама Матрена объясняет отцу: «...как твоя хозяйка третеводни мучилась, так и ты поломайся теперь. Не нами-де сказано, что муж и жена – одна сатана...» [3, с. 284]. Далее идет следующий обычай: «Михеич должен был съесть еще ложку соли в то время, когда кум с кумой подняли пирог над головами с заветным желанием, чтоб «крестник их был так же высок, как приподнят пирог». Затем шло угощение кашей, за которую бабка получила от кумовьев деньги, а за вино, которое она первому поднесла отцу, получила обещанные за повит пятьдесят копеек медью» [3, с. 284]. Не оставляет без внимания С.В. Максимов и другой день после крестин: «В Михеичеву избу то и дело приходили соседки на навиды: приносили посильный подарок... Одним словом, все было так же, как обыкновенно бывает на любых крестьянских крестинах» [3, с. 286].

Отношение к делу повитух было двойственное: с одной стороны, на повитуху распространялась сопутствующая родам нечистота, с другой стороны, она являлась хранительницей матери и ребенка.

В рассказе «Повитуха-знахарка» преобладает описательно-повествовательное изображение. В рассказе практически нет индивидуальных портретов, для С.В. Максимова важен собирательный образ народа – носителя фольклорных начал и традиций. Портрет и характер героев создаются отдельными деталями. «Не глотал мужик швецова аршина», – говорится в рассказе о Михеиче [3, с. 279]. Работница отца Ивана говорит «плачевным голосом» [3, с. 282]. К «исключительным личностям» принадлежит Матрена [3, с. 286]. С целью создания реалистического характера автор приводит оценки героя окружающими, деревенскими людьми. Разное отношение в деревне к Матрене. Матрена «пользуется у рожениц особенным предпочтением перед всеми другими» [3, с. 286]. Михеич отправляется с просьбой помочь при родах жены именно к ней. «Рука у тебя легкая», – говорит он ей [3, с. 279]. Однако деревенская баба, которая «ведет пересуды» с соседкой у колдца, отзывается о Матрене совершенно иначе: «...Завидушие, бесстыжие глаза, опять Матрена криворотая!.. уж такая-то прорва, такая-то волчья снесь, ненасытиха» [3, с. 281]. «Красавица ты наша», – обращаются к Матрене другие соседи [3, с. 299]. «Встречают Матрену с хлебом-солью и ласковым приветом хозяйки» [3, с. 300], «большого почету никому нет в деревне» [3, с. 302].

Обилие фольклорных включений, введение в текст различных жанров народного поэтического творчества свидетельствуют о нерасторжимости начал жизни народа и его культуры, придают прозе писателя фольклоризованный характер. «Народное творчество под его пером оживает, расцветивается всеми цветами радуги, потому что всякий раз погружается в живую жизнь, в конкретные сиюминутные ее ситуации» [5, с. 11]. В текст включаются многочисленные народные приметы, поверья, песни, местные предания, пословицы и поговорки.

Важна роль малых жанров фольклора в организации повествования. В роли попутных замечаний пословицы органично включаются в структуру предложения, что придает народный колорит речи повествователя-рассказчика. Мы получаем представление об авторе-рассказчике: это человек, придерживающийся народных нравственных норм. «Женский нор и на свинье не объедешь», – объясняет автор особенности женского характера с помощью народной мудрости [3, с. 279]. Говоря о подрастающем ребенке, подмечает: «...вырастет с мать, сам будет знать, как из песку веревочки вить» [3, с. 286]. Характеризуя деревенский народ, автор с помощью меткого выражения отмечает его [народа] незлопамятность: «брань на вороту не виснет, на нее слово купится, да так прахом и минуется» [3, с. 303]. Пословицы становятся обязательным элементом повествования, выполняя сюжетобразующую роль. «И крута гора да сбывчива, и лиха беда да забывчива», – вспоминает Максимов народную мудрость, рассказывая о судьбе Матрены [3, с. 304].

Речь героев насыщена пословицами и поговорками. Через народный, фольклорный элемент раскрывается характер персонажа. С помощью паремий фиксируется статус персонажа среди других лиц. У С.В. Максимова герой характеризует себя сам. Речь, насыщенная паремиями, свойственна людям, близким к народу, персонажам типичным и понятным многим читателям («а что и Бога гневить», «обошел недобрый человек»). «Всякому зерну своя борозда», – приходит к выводу мужичок, мечтавший получить почет в деревне [3, с. 277]. Обращаясь к Матрене, он произносит: «Мы ведь с тобой в лаптях ходим да не спотыкаемся» [3, с. 280]. Когда пришло время жениха выбирать, мать Матрену наставляет: «Этот бычок не по нашему стаду» [3, с. 290]. «Не отстану от Матюшки, хоть живую режь», – не уступает матери Матрена [3, с. 290]. Использование народных изречений помогает выделить отношение к Матрене. Девки-соперницы промеж себя говорят о Матрене: «Матрена, что ворон: – на чьей избе

сел, на той и накаркал», «черного кобеля не домоешься добела, а на чужой роток не накинешь платок» [3, с. 293]. Народное присловье, сохраняя свойственную всем фольклорным текстам всеобщность, одновременно конкретизируется, срastaется с характерами героев.

Не лишен рассказ и психологизма. С.В. Максимов – мастер психологической характеристики персонажа. Писатель дает изображение характеров «изнутри», то есть путем художественного познания внутреннего мира действующих лиц посредством внутренней речи; психологический анализ «извне», заключающийся в психологической интерпретации писателем выразительных особенностей речи, речевого поведения, мимического и других средств внешнего проявления эмоционального состояния. У мужичка, который ждет, пока жена родит, автор показывает только внешние симптомы чувства: «Мужик повернулся, скрипнул полатами, обхватил голову руками и опять призадумался» [3, с. 277], «мужичок махнул рукой, повертелся по избе туда да сюда и опять ушел вон» [3, с. 278], «Михеич опять зашевелился, раз пять перекинулся с боку на бок и опять-таки спрыгнул с полатай» [3, с. 281]. Суегливые действия героя говорят о его сильных переживаниях.

Душой народа издавна считается песня. У С.В. Максимова в «Повитухе-знахарке» песня дополняет психологический портрет Матрены, раскрывает ее внутренний мир. Когда умерла старуха-мать, «плакала Матрена такой заветной старинной заплачкой» [3, с. 293]:

Ты послушай-ко, родитель – моя матушка,
И сердечное желаньице,
Ты, денная моя заступушка
И ночная богомольщица!... [3, с. 294]

Слова песни передают душевное состояние Матрены, всю глубину ее переживаний, ее горе. В каждом звуке песни Матрены слышались слезы и страшная боль тоскующей души.

В рассказе есть и другая песня, исполняемая при прощании с родителями, когда девушка покидает родимый дом. Эта песня также помогает раскрыть характер Матрены, рассказать о ее нелегкой судьбе. Только автор отмечает, что эта песня не поется Матреной: «не будет она петь на прощанье родителям, хоть и кстати была бы эта песня»:

Я еще у вас, родители,
Я просить буду, кланяться,
Не оставьте, родители, моего да прошеньица:
Не возил бы меня чуж-чуженин
На чужую сторонущу,
К чужому сыну отецкому,
Не пасса бы он, не готовился,

На меня бы не надеялся... [3, с. 291]

После указанной песни автор добавляет: «злее обойденной невесты и зла мало на свете», «обойденная невеста что дом зачурованный, к нему крещеный неопытный человек и подойти побоится» [3, с. 291].

В сказовой манере писатель говорит о душевном состоянии Матрены: «Девка на первых порах покручинилась, размывалась громкими рыданиями, не пила в меру, не ела в сытость; от тяготы сердечной была сама не своя, а когда и пришла в себя, то не много радостей вызнала, не много отрадного выпытала» [3, с. 291].

Два раза в тексте С.В. Максимов упоминает по отношению к Матрене устойчивое выражение «как былинка в поле», тем самым подчеркивая ее одиночество: замуж не вышла, осталась сиротой.

Приметы, «выжитые вековыми опытами», органично входят в повествование. Женщины-соседки примечают: «... Новый месяц никак народился, глянь-ко, мать, какой лупоглазый вылез; знать, на утре-то сиверком завернет...» [3, с. 280]. «На Андрея Первозванного Матрена прислушивается к воде и сказывает по стону ее – какое будет лето, будут ли метели зимой, бури, морозы крепкие и иные разные беды»; «за два дня до Нового года гадает она о земле на свиной селезенке и сказывает: долго ли, коротко ли затянется весна-красна и будущее жаркое лето» [3, с. 301].

Максимов в рассказе обращается и к образам народной демонологии. Матрена перенимает у матери дар знахарства. Автор вводит в повествование элементы заклинаний и заговоров. Когда к Матрене пришел кузнецов сын с бородавками, она «нитку взяла, навязала на ней столько узелков, сколько бородавок было, да и сбросила нитку в навозную кучу, примолвив: «сгниет нитка и бородавки пропадут» [3, с. 296]. Ячмень лечится следующими словами: «Ячмень, ячмень! вот тебе кукиш; что хочешь, то и купишь; купи себе топорок, пересекися поперек» [3, с. 298]. В рассказе упоминаются магические атрибуты, необходимые знахарке при проведении обрядов: живая щука, лягушка, рябиновый сук, нитка и др.

По поверью, знахарка должна была передать кому-нибудь перед смертью свой дар, в противном случае, «по смерти не найдет покоя» [3, с. 310]. «Будет пугать тот мертвец всякого живого человека до той поры и времени, когда найдется смелый и умелый, чтобы переложить мертвеца в гробу навзничь, подрезать мертвому пятки и вбить ему в спину между лопатками осиновый кол» [3, с. 310].

С.В. Максимов стремится к полноте изображения, документализму. Фольклорные элементы, приведенные писателем в рассказе «Повитуха-знахарка» в качестве картин народной жизни, не являются стилизацией народной культуры, а отражают реальные обряды, обычаи, поверья, суеверия русского народа. Народная национальная культура служит С.В. Максимова опорой в поисках нравственных идеалов, объясняет истоки его художественно-образного мышления и определяет специфику его «народного творчества», в котором синтезируется литература с народной культурой, поиск героя ведется писателем через духовное, нравственное, национальное осознание русского человека. Народная культура и форма народного сознания моделируют взаимодействие человека в его нравственной и эстетической сущности и мира как выражение нравственных ценностей народа.

Список литературы

1. Лебедев Ю.В. В середине века. М.: Современник, 1988. 384 с.
2. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20 т. М., Т. 9. 1970. 440 с.
3. Максимов С.В. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Лесная глушь: Очерки; Примечания. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 608 с.
4. Кабакова Г.И. Роды // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4. М., 2009. С. 450–452.
5. Максимов С.В. Избранные произведения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. 495 с.

References

FOLKLORE ELEMENTS IN S.V. MAKSIMOV'S STORY «THE MIDWIFE-SORCERESS»

O.I. Danilova

Folk culture is an indispensable component of S.V. Maksimov's works. The article reveals the role of folklore in the creative history of S.V. Maksimov's story «Midwife-sorceress» and presents a detailed analysis of the work. The abundance of folkloric inclusions and elements of various genres of folk poetry introduced into the text testify to the indissolubility of the origins of the people's life and its culture. There are many folk omens, superstitions, songs, tales, proverbs and sayings in the story. Proverbs and sayings contribute to a comprehensive characterization of the story's protagonists. The songs are a complement to the psychological portrait, revealing the characters' inner world. Rituals related to the birth of a child are rendered with great accuracy. Aiming to give as full a picture as possible, S.V. Maksimov includes in his story calendar folklore, specifies the time when the rites are performed. Folk calendar is an indispensable element of the narrative through which the writer introduces readers to the folk traditions.

Keywords: folklore, midwife-sorceress, midwife, folk culture, rites.

1. Lebedev Yu.V. V seredine veka. M.: Sovremennik, 1988. 384 s.
2. Saltykov-Shchedrin M.E. Sobranie sochinenij v 20 t. M., T. 9. 1970. 440 s.
3. Maksimov S.V. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 6: Lesnaya glush': Ocherki; Primechaniya. M.: Knizhnyj Klub Knigovek, 2010. 608 s.
4. Kabakova G.I. Rody // Slavyanskije drevnosti: Ehtnolingvisticheskiy slovar' v 5 t. T. 4. M., 2009. S. 450–452.
5. Maksimov S.V. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.

М.: Hudozh. lit., 1987. Т. 1. 495 с.